

Глава 21

Банкротство «шокотерапевтов»

Битва на путях реформирования 90 годом не закончилась: она продолжается и сейчас. Но в этих сражениях есть существенная разница. В конце 80-х годов борьба шла за цели реформ, методы их проведения. После непродолжительного послеавгустовского безвременья 91-го началась битва уже со своим народом и государственностью. В декабре была разрушена единая держава, а через месяц на головы людей обрушились «шоковые реформы» молодого отца российских шокотерапевтов Гайдара и его не менее радикальных поделельников.

Вот уже четыре года в нашем измученном Отечестве идет жесточайшее противоборство. Если уж четко давать оценки, то и в том, и в этом случаях речь идет о непримиримой борьбе двух систем — капиталистической и социалистической, в том числе и присущих им идеологий. Можно сколько угодно и как угодно прикрывать этот факт любым фиговым листком, но корни проблемы именно в этом.

Как известно, начало реформам было положено руководством КПСС, государственными структурами СССР. Преследовалась цель реформировать, как его тогда называли, реальный социализм в гуманный, «с человеческим лицом». Постепенно сложилось так, что одна часть реформаторов осталась верна социализму, другая приняла систему капиталистических ценностей, в основном позаимствованных из практики североамериканского индустриального общества.

Смена курса реформ, ориентация на капитализацию всех сторон и сфер жизни, неумелое управление государством, непрерывная борьба, расколовшая общество, не могли не сказаться на политическом и экономическом положении в стране. Небольшие положительные результаты перехода к

рынку — первые шаги в создании соответствующей инфраструктуры, усиление роли товарно-денежных отношений — не оправдываются той ценой, которую приходится платить за «шоковую терапию» по Гайдару. Она слишком, непомерно высока.

Чтобы меня, оппозиционно настроенного к действиям нынешних властей, не обвинили в предвзятости и в искажении реальной действительности, процитирую февральское 94 года послание Президента России Федеральному Собранию:

«Российская промышленность может стать рыночной, но примитивной и малоэффективной... В ряде отраслей идет настоящая деградация и разрушение производства... Качественные показатели состояния здоровья населения в последние 10 лет неуклонно снижаются... Негативно развиваются демографические процессы... Сокращается ожидаемая продолжительность жизни, увеличивается смертность... Безудержный рост преступности создает серьезную угрозу для государства и общества, жизни, здоровья и имущества граждан... Воспроизводится экономическая база коррупции... Тревожат проявления дезинтеграции страны, внутренние тенденции, угрожающие ее территориальной целостности. Демократические принципы организации власти все больше и больше дискредитируются... В общественном сознании крепнет мысль, что демократическая власть не в состоянии навести порядок». В этой цитате не говорится еще о многом другом, трагическом для населения страны, но и сказанного достаточно, чтобы сделать вывод: вследствие реформирования российское общество достигло предельного порога «социального шока».

Многие в нашей стране после этой убийственной оценки своих же реформ надеялись, что их курс будет существенно изменен. Даже одному небезызвестному лидеру демократических реформ, много сделавшему в свое время для прихода к власти Ельцина и приложившему руку к разрушительным процессам в Союзе, стало ясно, что после банкротства курса радикальных реформаторов необходимо идти иным путем, вырабатывать новую концепцию, новую платформу «русского варианта постиндустриального общества взамен западнического».

Но, как всегда, откровения нынешнего Президента России породили лишь призрачные надежды у людей. На самом же деле все продолжает двигаться тем же путем. В 95 году положение не только не изменилось к лучшему, но даже

усугубилось. Да и тональность послания Президента резко изменилась: в основном речь уже шла о богатых, о «новых русских», — они ставились во главу экономического развития страны. Мне же представляется, что пора говорить и о «новых бедных». Само появление таких понятий свидетельствует о том, что идет масштабное расслоение общества, возникает все более острое противостояние кучки сверхобеспеченных и огромной массы обездоленных. Я не буду дальше останавливаться на этом послании — о нем говорили день-два только специалисты. Основную массу населения оно не интересовало. Люди не верят сегодняшним властям.

Негативных явлений, как я уже говорил, оказалось несравненно больше позитивных. Особенно страшен спад производства. В годы разработки Концепции экономических реформ я неоднократно задавал вопрос экономистам-теоретикам, какой может быть его крайний предел. Ответ был примерно таков: после 25—30 процентов снижения начинается неуправляемый процесс. За четыре года этот спад составил более 50 процентов. Такого обвального снижения объемов производства промышленной продукции и капитальных вложений страна еще не знала с 1929—1933 годов. В начале 95 года продукция машиностроения составляет лишь около 20 процентов от уровня «дореформенных» лет, т. е. у нас осталась пятая часть этой ведущей отрасли народного хозяйства. Подобное положение существует и в легкой промышленности.

Но особенно трудно приходится сейчас агропромышленному комплексу. Сокращаются посевные площади и урожай. В земледелии, по существу, приостановлены работы по повышению плодородия почв и мелиорации земель, происходит их деградация. Внесение удобрений снизилось до 20 кг на гектар, что в 5 раз меньше, чем было в СССР. поголовье крупного рогатого скота в 94 году по сравнению с 90-м уменьшилось на 23 процента, а свиней — на 35. Катастрофически падает техническая оснащенность хозяйств. В первом полугодии 94 года не работала треть предприятий сельхозмашиностроения, а остальные работали по сокращенному графику. Ценовая, кредитная, налоговая и инвестиционная политика полностью расстроила финансовое состояние агропромышленного комплекса, остановила процесс его расширенного воспроизводства.

Все, о чем я говорил выше, касалось общенациональных показателей. Конечно, это сухие цифры. Но за ними —

люди. За этими цифрами — тенденции, по которым можно судить и об уровне благополучия или неблагополучия миллионов. И мне хотелось бы привести еще несколько цифр, характеризующих конкретное положение человека в новой экономической и социальной действительности.

Одним из важнейших показателей ситуации, переживаемой в тот или иной период обществом, является социальная дифференциация населения. В последние годы она неуклонно растет. С учетом того, что доходы лидирующих групп далеко не всегда можно зафиксировать в статистике, разрыв между ними и доходами наименее обеспеченных окажется значительно выше официального. Исследования показывают, что около 40 процентов денежных средств находятся в руках 7 процентов населения России. К тому же, по оценкам Департамента налоговой полиции, до 30 процентов подлежащих выплате сумм утаивается, а по некоторым данным, в 94 году, например, было вообще собрано (и, следовательно, учтено) только около 40 процентов ожидавшихся налогов.

Появление класса богачей на фоне обнищания практически всего народа создало постоянно углубляющуюся пропасть. Происходит стремительная социальная поляризация: деньги концентрируются на одном полюсе, а бедность — на другом. Согласно расчетам Европейской экономической комиссии ООН, к беднейшим слоям следует относить тех, у кого среднедушевой доход составляет менее двух третей среднего по стране. В России эта группа охватывает около 40 процентов населения.

Особенно трудно приходится молодежи. В 92 году две трети ее имели среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, и тенденция эта сохраняется. Бедность особенно характерна для тех, кто проживает в сельской местности, и для представителей сельскохозяйственных профессий. В городах наиболее высокий процент малообеспеченных — работники социальной сферы — здравоохранения, культуры. Не сводят концы с концами, постоянно испытывают денежные затруднения в целом более 60 процентов опрошенных, и их число все время растет.

Подобное положение не может не сказаться на морально-политической обстановке в стране. Поляризация общества, разделение его на «элиту», которая может позволить себе все, и людей «второго сорта» вызывает серьезную тревогу. Российские власти окончательно встали на сторону богатых, отвергнув бедных. Путь этот скользкий и опасный.

Уже несколько лет идет разграбление созданного многими поколениями народного добра. Интересно, что передача общественной собственности в частные руки на первом этапе не встретила особого сопротивления людей. Для многих «общенародное» так и осталось чем-то абстрактным — «ничейным». Ну, а ничейное почему же не взять? Розданное вроде бы всем без исключения (в том числе и грудным младенцам) государственное имущество Президент и его сообщники превратили в основу для скоропалительного формирования слоя капиталистов. И все это делалось под гром фанфар о создании миллионов якобы собственников, частных акционеров, маленьких «капиталистиков».

Да, действительно, миллионы людей стали акционерами. Я тоже. На Уралмаше, как я писал, мне довелось проработать 25 лет. Последние пять — генеральным директором, а до этого столько же главным инженером завода. За заслуги перед ним мне подарили 40 акций и 10 разрешили купить. А один «новый» предприниматель купил 132 тысячи акций. Это около 30 процентов акций Уралмаша, а недавно было сообщено, что это физическое лицо имеет уже 51 процент их.

Гиганты промышленности были скуплены людьми, которые, очень мягко говоря, крайне сомнительным образом в небывало короткие сроки занимали свой капитал или стали подставными лицами в иностранных компаниях. Отец «шоковой приватизации» Чубайс создал условия для грабежа народного добра, которые и сниться никому в мире не могли. На ваучерном этапе распродажа велась по кощунственно низким ценам. Например, Липецкий тракторный завод, где работает около 20 тысяч человек, был оценен в 1,5 миллиона долларов, Уральский автомобильный завод (29,5 тысячи работающих) — в 1,8 миллиона долларов, Челябинский тракторный (54,3 тысячи занятых) — в 2,2 миллиона долларов... Этот перечень очень длинен. При этом не известно случаев, чтобы контрольный пакет акций остался у коллектива.

Недавно одна из центральных газет писала: «Пожелавшие остаться неизвестными эксперты Правительства сообщили корреспонденту РИА «Новости», что «АвтоВАЗ» оценен Госкомимуществом в полтора раза дешевле, чем магазин «Березка» в Лужниках, Дальневосточное морское пароходство оценено дешевле, чем торговый центр «Гостиный двор» в Петербурге, объединение «Коминнефть» — в три раза дешевле имущества редакции «Известий», Мурманский траловый флот — дешевле петербургского мотеля-кемпинга «Ольгино».

По такой же «методике» Госкомимущество оценило 500 крупнейших предприятий России! Но когда вновь назначенный руководитель Госкомимущества В. П. Полеванов попытался остановить разворовывание, его жестко одернули и тут же сняли с занимаемой должности. Правительство же выступило с заявлением, где было сказано: «Попытки добиться пересмотра политики, отказа от приватизации... призывы к «национализации» приватизированных предприятий безосновательны».

Кончился ваучерный этап. Отгремели литавры. За океаном дали хорошую оценку сделанному и благословили на второй, денежный этап. На первом все получили как бы по 10 тысяч рублей, или, говоря словами руководителей страны, по машине «Волга». Правда, вскоре на эти деньги можно было купить лишь килограмм низкосортной колбасы. Это и есть оценка труда любого человека, да и не только его одного, а и нескольких поколений людей, создававших народное добро и умиравших при его защите?!

Денежный этап приватизации его организаторы называют еще и инвестиционным. Только кто будет вкладывать средства в развитие производства? «Свои», отечественные богачи? Нет, они предпочитают направлять деньги на спекулятивные операции, приносящие быструю прибыль и сверхприбыль, но не на создание или развитие каких-либо производств. К тому же большую часть приобретенного, тоже наворованного, дельцы держат в зарубежных банках «на всякий случай». Нет надежды и на 60 процентов населения, которые не могут свести концы с концами, и на предприятия тоже: они все в долгах, в том числе по вине государства. Например, заводам военно-промышленного комплекса в 94 году государство задолжало 6 триллионов рублей! У «своих», как видим, денег нет, значит — найдутся иностранные инвесторы. И для них создаются самые благоприятные условия. Иначе говоря, предусмотрена распродажа народного достояния не только оптом, но и навывнос. Не успели мы опомниться, а у нас уже нет алюминиевой промышленности. Да если бы только ее — и снова вопросы, вопросы! Как мог позволить народ так надругаться над своим трудом, трудом своих отцов и дедов? Загадка...

«Шоковая терапия» значительно обострила криминогенную обстановку в стране. Я только что говорил о пристрастиях приватизации. Именно она, такая ее форма создала благоприятную почву для злоупотреблений. В материалах Министерства внутренних дел есть интересные данные: из всех

раскрытых экономических преступлений 80 процентов связаны с приватизацией. Там все махинации — с чековыми инвестиционными фондами, с аукционами, с закрытыми конкурсами и т. д. А ведь приватизация — только один из многих криминогенных факторов. Государство оказалось бессильным против разгула преступности в последние годы.

Анализируя свершившееся, можно утверждать, что только после гражданской и Великой Отечественной войн был подобный всплеск преступности. Но тогда она имела в основном бытовой характер и подавлена была решительно и достаточно быстро. Сейчас же на наше общество обрушился «девятый вал» не только бытовой, но и экономической преступности. Стали совершенно обыденными сообщения о «разборках», когда взрываются автомашины, гремят автоматные очереди, расстреливают в упор конкурентов. Раньше мы читали об этом в романах и детективах из жизни США в 30-х годах. Сейчас то же самое происходит у нас — с опозданием на 60 лет.

Выяснилось, что общество в целом — и организационно, и психологически — совершенно не подготовлено к борьбе с экономической преступностью. Нет правового обеспечения, а структуры и методы работы органов охраны порядка сориентированы на старую народнохозяйственную систему. Все усилия их были направлены на контроль государственных предприятий, по отношению же к возникшим в последние годы новым, негосударственным, у них нет ни стратегических, ни тактических разработок. Наступил правовой хаос. Выгоды от сознательного нарушения законодательных норм часто превышают потери от возможного наказания. Борьба за неоправданно высокую прибыль вынуждает многие экономические, особенно коммерческие структуры переступать грань даже тех несовершенных законов, по которым работает сейчас страна.

Преступность стремительно проникает во все новые сферы. Если вчера рэкет довольствовался данью с торговых точек, то сегодня он контролирует практически всю предпринимательскую деятельность. Проникновение частного бизнеса в операции со стратегическим сырьем и торговлю оружием способствует перемещению в Россию международного центра организованной преступности. Страны Западной Европы и США тоже были застигнуты врасплох массированным наступлением российского преступного мира, тем более что они привыкли действовать по своим традиционным правилам, а «наши» пришельцы действуют по своим, им не знакомым.

На территории России, по данным МВД, сейчас существуют несколько тысяч преступных группировок, объединенных в 150 крупных сообществ. 275 группировок имеют межрегиональные связи, 170 — международные. Идет активный процесс вхождения мелких групп в крупные сообщества. В печати эксперты отмечают консолидацию преступных группировок как в рамках отдельных территорий, так и на межрегиональном уровне путем налаживания связей между крупными криминальными формированиями. 150 сообществ фактически поделили страну на сферы влияния и успешно конкурируют с властями в экономической и даже политической областях. Насилие и шантаж остаются главными методами действий криминальных структур. Ничего, естественно, бандиты не производят — они берут дань, обращая ее на эскалацию преступной деятельности. И начинают соперничать с самим государством.

Степень же защиты с его стороны настолько низка, что никто из предпринимателей всерьез ее и не рассматривает. В то же время почти половина их уже подверглась различного рода оскорблениям и расправам. Естественно, возникает вопрос: что, государство не имеет возможности остановить подобный разгул экономической преступности? Конечно, имеет — существует огромный репрессивный аппарат. Но когда поставлена цель насильственной и быстрой капитализации страны, другого и быть не может. Такое положение с преступностью сложилось благодаря политике нынешних властей. Они сознательно выпустили джинна из бутылки. По оценке экспертов, более 30 процентов общего объема стартового капитала в частном секторе экономики имеют криминальную природу. Но если к этому добавить долю от приватизации с криминальным налетом, проводимой лицами, ранее занимавшими высокие должности, то эта цифра приблизится уже к половине его.

Показательны в этой ситуации действия одного из членов Правительства — Чубайса, ярого организатора захвата собственности народа. Не секрет, что авторы этой гигантской авантюры находятся за океаном. Ни одна страна мира не позволила бы осуществить у себя подобное жульничество, проведенное к тому же в таком масштабе и в столь сжатые сроки. Приватизация по Чубайсу после того, как люди осознали ее истинный смысл, вызвала крайне отрицательное отношение к ней и к ее автору населения страны, парламента.

Но это не мешает ему продолжать свою линию. Кто же сегодня посмеет тронуть Чубайса хотя бы потому, что он — главный, самый осведомленный источник информации о том, кто крупно нажился на приватизации. Он знает, кто конкретно и почему выиграл тот или иной аукцион, купил по дешевке контрольный пакет акций, через каких подставных лиц приобрели отечественные теневые или иностранные фирмы наши фабрики и заводы. Если он заговорит, то сразу станет страшно опасен. Вывод один: пока во главе страны стоят коррумпированные чиновники, никто серьезно не замахнется на них. Сегодня государственный аппарат погряз в различного рода махинациях и незаконных операциях. Когда-то общество получит ответы на вопросы, связанные с одним из крупнейших преступлений века, — тотальным ограблением народа и государства.

Полная деморализация государственных правоохранительных органов привела к тому, что преступность становится масштабнее, жестче и наглее. А неоднократные заявления главы государства, что он в своей деятельности будет отдавать «приоритет» этой проблеме, что он лично возглавит эту работу и т. д., это, к сожалению, все слова, слова, слова...

Не хочу приводить множество цифр, показывающих состояние преступности в стране. Все знают об этом. Но все же напомним, что за 94 год было совершено 2 миллиона 600 тысяч преступлений. Преступность растет на фоне заявлений министра внутренних дел о том, что ситуация контролируется. Не перепутал ли он это слово с другим — «регистрируется»? А ведь это далеко не равнозначно. Десятки тысяч убитых, сотни тысяч насилий, надругательств, миллионы ограблений — вот истинная цена таких заявлений. Это ведь не парламент расстреливать и вешать за то звезды на грудь и плечи, не воевать со своим народом, посылая на войну солдат-мальчишек! Здесь, в борьбе с преступностью, нужны профессионализм и величайшая ответственность, — а вот этого им и не дано. Пусть господин министр без охраны и формы ночью прогуляется по Москве. Без штанов и бумажника домой вернется. Если, конечно, вообще вернется, а не в больницу или в морг попадет.

За последний год убито три депутата Госдумы и два ведущих журналиста. Шуму много, а результат прежний — преступники наслаждаются жизнью. Новый же орган — ФСБ — забился с перепугу в норку так, что его не видно и не слышно в борьбе с организованной преступностью.

Такова, можно сказать, одна сторона дела. А другая состоит в том, что самой нашей высшей власти присуща опасная склонность к неправомерному насилию. И в Москве били, и в Чечне бьют и правых, и виноватых. А после убийства Листьева, на мой взгляд, пошло наступление на остатки законности. Обратите внимание: убирают не «неоднократно не назначенного» Генпрокурора, который тоже не преуспел в борьбе с преступностью, а профессионала Пономарева, который руководствовался в работе прежде всего законами. Видно, и поныне прав Пушкин:

В России нет закона,
Есть столп — на нем корона.

На моей памяти что-то подобное было в середине 50-х годов, когда Берия выпустил уголовников. У нас на Урале нельзя было вечером выйти на улицу или проехать на трамвае, чтобы не быть выброшенным на ходу из него. Тогда весь народ поднялся на борьбу с бандитизмом, и через полгода можно было спокойно ходить по улицам в любой час ночи. Мы верили милиции и помогали ей. Сейчас же, по некоторым данным, три четверти россиян не обращаются в правоохранительные, правозащитные органы за помощью. Нет веры не только «верхам», но и силовым структурам, обеспечивающим безопасность их, а не населения.

В этой главе я говорю о результатах проведения в стране «шоковой терапии», т. е. совершенно другого пути реформ по сравнению с тем, который предлагало возглавляемое мной Правительство. К большому сожалению, одни наши прогнозы пятилетней давности оправдались, другие были «превзойдены» нынешней жизнью в такой мере, о которой мы даже и думать не могли. Это относится, в частности, к состоянию дел в народном здравоохранении.

Резкое ухудшение здоровья населения и снижение уровня его защиты — одно из самых тяжелых, трагических проявлений современного политического и социально-экономического кризиса. Об этом свидетельствуют статистика, медицинская и общая печать, «Белые книги» о здоровье населения России в 1991—1994 годах, а также оценки, содержащиеся в докладах как российских ученых, так и экспертов международных и благотворительных организаций.

Тяжелейшее социальное положение населения и состояние медицинской помощи привели российское общество к тотальному демографическому кризису. Динамика депопу-

ляции (убыли населения) видна из следующих цифр: родившихся в 93 году на 1000 человек было 9,4. Умерло — 14,4. Колыбелей в стране становится меньше, чем гробов. В тот год смертность превысила рождаемость на 1 миллион 100 тысяч человек.

Беспрецедентное в мирное время снижение рождаемости и на много превышающий ее рост смертности отмечаются на территориях, где проживает 93 процента населения России. Высокую смертность не компенсирует даже усилившийся приток беженцев и переселенцев из «ближнего зарубежья». Внутри самой России идет отток населения из Сибири, Дальнего Востока и особенно из Северных регионов.

Уменьшается численность и ухудшается «качество» населения, прежде всего — по уровню его здоровья. Страдают все возрастные группы — старики, дети, трудоспособные люди. Ускоренно вымирают («выгорают») пожилые и инвалиды, ветераны войны и труда, оставленные без социальной и медицинской защиты. Бездушное отношение к ним размывает нравственность нынешней молодежи, углубляет разрыв поколений.

Высокая детская заболеваемость и смертность при низкой рождаемости, недостатке полноценного питания, ухода и воспитания, ухудшение здоровья большинства детей означают резкое снижение человеческого потенциала общества минимум на несколько десятилетий. Значительное ухудшение состояния санитарно-профилактических служб привело к возврату давно исчезнувших как массовые явления туберкулеза, брюшного и сыпного тифов, холеры, дифтерии, чесотки, педикулеза, сифилиса, эпидемических вспышек кишечных заболеваний и других паразитарных и инфекционных болезней.

Повышение уровня производственного, дорожного и бытового травматизма и заболеваемости взрослого трудоспособного населения, рост насилия, убийств и самоубийств, алкоголизма, наркомании, стрессы, намертво «вцепившиеся» в повседневную жизнь миллионов и миллионов людей, в считанные годы потерявших все свои социально-бытовые опоры, которые существовали при Советской власти, повсеместное и теперь нередко катастрофическое загрязнение окружающей среды — все это уже сейчас резко снижает человеческий потенциал России, который долго считался практически неисчерпаемым.

Всёобщее понижение уровня жизни населения, разрыв единого экономического, а также гуманитарного про-

странств, межнациональные вооруженные конфликты с громадными разрушениями и гибелью мирного населения (кровавопролитие в Чечне подтверждает скорбную статистику современных войн: как сообщают, на каждого убитого вооруженного человека приходится 10 и более потерь среди мирных жителей — стариков, женщин и детей), миллионные массы беженцев и вынужденных переселенцев и т. п. еще более осложняют ситуацию.

Не могу не вспомнить, как в конце 80-х годов на улицы выходили тысячи людей с плакатами, содержащими требования защитить природу и человека. Где они сейчас? Молчат. Между тем сегодня эти проблемы отброшены на периферию нашей жизни. Высокие уровни загрязнений природной и производственной сред обитания и жизнедеятельности человека промышленными и другими выбросами ведут к резкому ухудшению экологической ситуации во многих городах и регионах, доводят ее до уровня подлинной трагедии, губя не только нынешнее, но и — через ухудшение генофонда нации — будущие поколения. Но сегодня это никого не интересует. Только прибыль и прибыль... Трагедия состоит и в том, что эти процессы инерционны, и преодоление негативных тенденций если и возможно, то лишь с большим трудом и спустя долгие годы.

Естественно, возникает вопрос: в силу каких обстоятельств это происходит? Ответ есть. За последние годы ситуация в народном хозяйстве крайне осложнилась и произошло обвальное разрушение не только экономической, но и социальной сфер — здравоохранения, социального обеспечения, образования, культуры. Существовавшее ранее государство, при всех его недостатках, удерживало негативные социальные и демографические процессы в каких-то пределах.

Особенно большие трудности сложились в медицинской науке и практике. Принято считать, что медицина определяет состояние здоровья человека на 15—20 процентов (все остальное зависит от уровня благосостояния, образа и качества жизни, наследственности, от экологических и других факторов), однако ее постоянная готовность спасти жизнь при опасном заболевании или травме дает людям чувство защищенности и надежды. Поэтому нынешний повсеместный упадок учреждений здравоохранения, острейший дефицит лекарств в них и оснащения оборудованием, во многих случаях миллионные гонорары, требуемые с больных, чаще всего по существу нищих, за врачебные услуги

при низкой оплате труда персонала, ослабление единой профилактической системы означают невозможность для все более широких слоев населения России и тем более для граждан «ближнего зарубежья» получить бесплатную медицинскую помощь даже по жизненным показаниям.

Проводимые в здравоохранении «реформы» хаотичны и противоречивы. Иностранные эксперты ужасаются тому, с какой бездумной легкостью продолжается разрушение одной из лучших систем здравоохранения в мире, послужившей примером для многих самых развитых и цивилизованных стран, вместо того чтобы создать для нее элементарные условия комплексного развития.

Социально-политический и экономический кризис сопровождается ростом психических заболеваний. В последние годы значительно сокращается число наркологических учреждений. В то же время алкоголизм все больше поражает страну. Все, вместе взятое, в том числе и относительная дешевизна спиртных напитков на фоне дороговизны продуктов питания, привело к тому, что количество смертельных отравлений алкоголем в 93 году составило 56 тысяч (в 92-м — 33 тысячи, 91-м — 21 тысячу). Хочу напомнить, что за десять лет войны в Афганистане погибло 14 тысяч человек. Государство фактически самоустранилось от работы по профилактике алкоголизма и наркомании. Многочисленные негативные факторы сливаются в порочный круг обнищания и болезней, нация стремительно приближается к точке, после которой возможны либо полная дезинтеграция и гибель, либо, в лучшем случае, крайне медленное ее восстановление. Последствия нынешнего обвала народного здоровья придется компенсировать в течение столь длительного времени и с такими затратами, что это намного превысит все расходы, необходимые для того, чтобы остановить дальнейшее падение сегодня.

Ситуация крайне серьезна, и для ее преодоления должна быть общенациональная программа действий, основанная на четкой и ясной концепции защиты здоровья народа, о чем в последнее время уже много говорят, но еще мало что делают...

В многочисленных исследованиях современного социально-экономического положения как-то без серьезного внимания остается состояние инвестиционного процесса вообще и особенно в социальной сфере. Складывается впечатление, что о будущем нации никто не беспокоится, что эти проблемы решены раз и навсегда и на них не стоит обращать

внимания. Усилия сейчас направлены не на капитальное строительство, а на продажу и перепродажу всего — фабрик, заводов, институтов, офисов, квартир и т. д.

Когда же это кончится? Ведь нельзя бесконечно торговать, не производя товар. Расташили, разбазарили созданное не одним поколением, — а дальше?

Недавно были опубликованы статистические данные о состоянии инвестиций в 94 году. Вдумайтесь: общий уровень всех инвестиций по сравнению с 91 годом составил лишь 39 процентов. Я всегда считал, что нормальный инвестиционный процесс определяет устойчивость экономики. Расширенное воспроизводство создает условия для динамичного ее развития, высокого качества продукции, роста производительности труда. А о каком экономическом прогрессе можно говорить, если идет тотальное старение основных фондов? В 85 году мы были тревогу, что их уровень составлял тогда 43 процента. Сейчас 65 — и никого это не тревожит! Все молчат, а главное — ничего практически не делают.

Жилья в 94 году было введено 39 миллионов квадратных метров, или 40 процентов по сравнению с 90 годом. Нынешние социологи пишут, что положительным фактором сегодняшнего дня является адаптация человека к новым рыночным отношениям — имеется в виду, конечно, «шоковым». Но адаптироваться можно по-разному, в том числе и путем отказа от элементарных жизненных потребностей. Скажем, многие теперь потеряли какую-либо надежду на то, что смогут хотя бы в отдаленной перспективе иметь квартиру. Раньше, когда жилье строилось в два-три раза больше, чем теперь, и то директора заводов, районное и городское начальство, ЦК КПСС и Совмин были завалены жалобами и просьбами.

Газеты часто и много писали об этом, критиковали власти за то, что очереди на бесплатно предоставляемое жилье продвигаются не так быстро, как бы всем хотелось. Сегодня же «демократические» газеты и телевидение предлагают... покупать(!) любые квартиры. На что, на какие средства? Где они и будут ли когда-нибудь эти бешеные суммы у девяти десятых населения страны? Жаловаться некому, да и бесполезно, не надо питать каких-либо иллюзий. Вот и становятся молодые парни рэкетирами, чтобы «заработать» большие деньги для покупки жилья, или спиваются от безысходности.

Человек, естественно, ни при каких обстоятельствах не хочет мириться с тем, что лучшие его годы уходят на

ожидание квартиры. Такое положение еще можно было понять в предвоенный, военный и первый послевоенный периоды, когда практически все в городах жили в тесных коммунальных квартирах или в бесчисленных бараках. Однако настало время, когда эта проблема стала одной из самых острых. Никиту Сергеевича Хрущева надо считать инициатором нового подхода к ее решению. Теперь его нередко критикуют за «хрущобы», но именно он поставил на индустриальную основу строительство жилья. На Уралмаше после войны было четыреста бараков, где жили тысячи рабочих. И когда стали быстро расти пятиэтажки, которым потом так бесцеремонно присвоили имя инициатора, люди с великой радостью вселялись в них и благодарили судьбу за этот подарок. Это еще раз говорит о том, что, оценивая те или иные действия и решения, нельзя отрывать их от того времени, когда это происходило.

При Хрущеве объем жилищного строительства увеличился вдвое по сравнению с послевоенными сталинскими пятилетками. После его ухода четыре пятилетки подряд — восьмую, девятую, десятую и одиннадцатую, т. е. 20 лет, строительство было практически на уровне, достигнутом при Никите Сергеевиче. Такова правда.

Нужно, однако, сказать, что и этих самых больших в мире масштабов строительства жилья не хватало. Помню, в 1971 году, будучи генеральным директором Уралмаша, я участвовал в работе XXIV съезда КПСС. С большой надеждой мы ждали появления на трибуне Предсовмина А. Н. Косыгина. Для нас, практических работников, именно его доклад определял развитие народного хозяйства на текущее пятилетие. Каково же было наше разочарование, когда мы услышали, что строительство жилья останется на уровне предыдущей пятилетки! Дело в том, что до начала 70-х годов очередь на квартиры двигалась достаточно быстро. Но затем стал нарастать разрыв между строительством жилья и потребностями в нем населения.

Одна из основных причин здесь состояла в качественной стороне проблемы. При ежегодном вводе более 100 миллионов квадратных метров жилья средняя площадь квартир с 42 квадратных метров в 60 году увеличилась до 58 квадратных метров в 85 году. При этом если в первом случае строилось ежегодно в среднем 12 квартир и одноквартирных домов на тысячу жителей страны, то во втором практически при тех же квадратных метрах — лишь 7 квартир. К тому же население страны за этот период возросло более чем на

60 миллионов. Отсюда — спад в темпах строительства жилья на душу населения и, как следствие, обострение жилищной проблемы. Такова была ситуация с жильем к началу перестройки. И хотя к тому времени уже почти 80 процентов населения имели отдельные квартиры, люди настойчиво требовали ускорить предоставление им жилья.

В создавшихся условиях нельзя было уходить от ответа на этот острейший вопрос. Народ не хотел с этим далее мириться, да и перестройка вселила надежды на лучшую жизнь. И нашим Правительством уже в 86 году было принято решение об увеличении строительства жилья, а через год подготовлены постановления и о создании соответствующей материальной базы. Не могу отказать себе в удовольствии отметить, что если в 85 году было построено 113 миллионов, то до 90 года включительно среднегодовой объем составлял уже 140 миллионов квадратных метров. Во всем этом была большая заслуга Юрия Петровича Баталина — заместителя Председателя Совета Министров СССР в то время. Мы ставили перед собой задачу к 95 году довести годовой объем до 220 миллионов квадратных метров. Такой объем строительства жилья был крайне необходим.

Вот почему была разработана программа «Жилье — 2000», обозначавшая пути решения этой гигантской социальной проблемы. Сейчас по ее поводу всячески язвят. Но почему-то не очень бьют тревогу в связи с сегодняшним положением: ведь, как я уже писал чуть выше, в 94 году в России снизилось строительство жилья до 40 процентов в сравнении с 90 годом. Думаю, что подобное, если не хуже, положение и в других государствах — республиках бывшего СССР. Единственным положительным моментом вроде бы является факт роста удельного веса индивидуального жилья: если в 90 году оно составляло 9,7 процента, то в 94-м — 20 процентов. Все бы и порадовались этому, если бы такое жилье было доступно большей или хотя бы значительной части населения. Увы, идет интенсивное строительство домов-дворцов лишь для «новых русских», а вот «новые бедные» должны оставить надежду... Хотел закончить фразу словом «навсегда», но вся душа ему воспротивилась: ведь не может явно антинародная политика продолжаться вечно. Очистительная гроза раньше или позже пройдет над страной и навсегда унесет с собой тех, кто посмел отнять у собственного народа его величайшие социальные завоевания, в том числе и право на жилье.

«Шоковые реформы» Ельцина — Гайдара и К^о делают

свое черное дело. Если проанализировать сложившуюся ситуацию, то становится очевидным, что первотолчком экономического краха России стал жесточайший финансовый кризис, вызванный продиктованной Международным валютным фондом монетаристской кредитно-денежной политикой, начатой в 92 году и продолжающейся поныне. Это и привело к разрушению производства.

Надо полагать, что если не Гайдар с Чубайсом, то хотя бы реальный заокеанский «архитектор» российских реформ Джеффри Сакс хорошо знаком с этими последствиями. Следовательно, повторение в еще более жесткой форме той же политики на нашей почве надо рассматривать как сознательную стратегию, нацеленную на ликвидацию отечественного экономического потенциала.

Четвертый год Правительство страны, само спустив курок инфляции, придерживается политики «жесткой экономии» для ликвидации... той самой инфляции. Основной ее причиной, на взгляд авторов такой бездарной политики, является избыток денежной массы. На самом деле в 92 году цены выросли в 32 раза, а денежная масса — в 8 раз, в 93-м цены увеличились в 9,4 раза, а денежная масса — в 4,5 раза.

В действительности же источником нынешней инфляции в нашей стране является не монетарный фактор — рост денежной массы, а так называемые немонетарные факторы. К ним можно отнести неравновесную структуру издержек и административное повышение цен на топливо. Только в 92 году цены на топливо были увеличены за несколько приемов в 30 раз! С некоторым запаздыванием цены на все остальное догнали уровень цен на топливо. Так, исследования показали, что рост цен на сельхозпродукцию следует за ростом цен на топливо с отставанием не более чем в четыре месяца. После этого восстанавливается равновесие. Какое? Внутри системы цен, но не между ними и доходами населения! Отсюда понятно, за чей счет идут монетаристские игры, кто и как просто грабит его.

Таким образом, пытаюсь бороться с инфляцией — во многом лишь на словах — путем «жесткой экономии», Правительство в то же время целенаправленно повышало уровень цен. При этом денежная масса оказалась недостаточной для обслуживания такого их уровня. Нехватку денег в обращении пытались хоть как-то компенсировать расширением обращения иностранной валюты (в 92 году — 8 миллиардов, в 93-м — 40 и в 94-м — порядка 100 милли-

ардов долларов), а также вакханалией всеобщих неплатежей. Это немедленно ударило по оборотным средствам предприятий. Их острый дефицит наряду с бюрократическими и политическими причинами привел к разрыву народнохозяйственных связей и катастрофическому падению объемов производства. Оно снижается до уровня, который могут обслуживать ограниченные объемы оборотных средств. Предприятия погружаются в омут кредитов, которые чаще всего никогда не смогут вернуть.

Бюджет 95 года сформирован Правительством по тому же сценарию, но еще более жесткому. В его основе — совершенно нереальный в нынешних условиях относительно низкий уровень инфляции, предусмотрено дальнейшее уменьшение объемов валового внутреннего продукта и промышленного производства. Все это отвечает требованиям Международного валютного фонда (МВФ), но полностью оторвано от реальной обстановки в стране. Понятно, что при такой экономической политике чуда произойти не может, она приведет к окончательному уничтожению научно-промышленного потенциала России. Особенностью бюджета 95 года является тот факт, что весь его дефицит гасится за счет внутренних и внешних займов. Впервые в практике СССР и России для сбалансирования государственного бюджета используется внешний заем около 13 миллиардов долларов.

Я только что снова упомянул МВФ в связи с его ролью в нашей экономике. Так вот, знакомясь с опытом реформ, проводимых им, например, в странах Латинской Америки, нетрудно прийти к выводу: приняв к исполнению рекомендации этой организации, Россия продолжает еще как-то существовать лишь потому, что их провести до конца в жизнь пока не удастся. Хотя сделано уже много для превращения России в экономический придаток Запада, в третьеразрядную страну.

Незадолго до начала «шоковых» реформ, еще в бытность СССР, президент Сити-банка Дж. Рид заметил: «Если мы посмотрим на карту мировой экономики, то увидим на ней исчезнувшие страны... Перу и Боливия исчезнут. Советскому Союзу нужно поостеречься, иначе он может тоже исчезнуть». Некоторые говорят, правда, что реформы МВФ увенчались определенным успехом в Польше. Но видим ли мы здесь процветание и благополучие? Ведь только безработица составляет 16 процентов трудоспособного населения страны.

Те, кто контролируют политику МВФ, продолжают придерживаться догм вульгарного монетаризма, основанных на «свободной воле» рынка. Политика МВФ никогда не ставила и не ставит своей целью построение эффективной рыночной экономики в той или иной стране. После того как с 1977 года ни одна из западных стран не обратилась к МВФ для урегулирования своих финансовых проблем, эта организация с 82 года занялась только выколачиванием внешних долгов из государств с дефицитными бюджетами. Это и предопределяет содержание пакета рекомендаций, которые МВФ без всяких изменений предлагает во всех уголках Земного шара.

Всякий, кто у нас критикует курс Правительства в связи с его пресмыкательством перед МВФ, должен помнить, что он и не скрывает своих планов и методов «реформирования». Дело конкретной страны, брать или не брать на свое вооружение эти методы. Так, СССР, следовательно, и Россия, были предупреждены МВФ еще в начале 91 года в докладе «большой семсерке» по поводу проблем тогдашней советской экономики: «В идеальном случае путь постепенных реформ можно провести... но мы уже знаем, что этого пути не существует... Восстановление финансовой стабильности потребует очень жесткого сокращения Правительством финансового дефицита... поглощения избыточных вкладов, сильного замораживания кредитов и процентных ставок выше уровня инфляции... Финансовое оздоровление само по себе не даст ничего для установления рынка». Там же говорилось, что такого рода «стабилизация» должна быть поддержана «быстрой и всеобъемлющей либерализацией цен... и быстрым переходом к либерализации труда», и все это «не может быть установлено без начального спада производства и занятости».

Не требовалось высокой квалификации для понимания факта, что быстрая либерализация по программе МВФ означает не столько построение рынка, сколько создание «туземной» экономики в качестве цены вхождения в «финансовую цивилизацию» и доведение ее, этой экономики, до кондиции, способствующей исправным платежам по внешней задолженности. Сегодня совершенно очевидно, что «шоковая либерализация» была выбрана осознанно. Этот тип реформы характеризуется своими законами, большее или меньшее отступление от которых, как правило, лишь несколько смягчает или ужесточает их последствия. Определенная часть оппозиции в нашей стране сегодня только и

ведет борьбу за применение болеутоляющих средств, то есть стремится что-то смягчить, не понимая, что в целом экономика сознательно заражена страшной болезнью.

Подчеркну еще раз: Россия, как видно хотя бы из приведенных выше фрагментов официальной статистики, сознательно пошла с конца 91 года на меры, столкнувшие ее в экономическую пропасть. Более того, имелась и общедоступная информация о последствиях деятельности МВФ на примерах либерализации экономики ряда государств Латинской Америки. Скажем, Венесуэлы. В свое время в этой стране, занимавшей важные позиции среди мировых экспортеров нефти, был самый высокий доход на душу населения в Латинской Америке. После вмешательства МВФ внешний долг Венесуэлы, взятый под ростовщические проценты, с 29 миллиардов долларов в 80 году увеличился к концу 90-го до 35 миллиардов долларов, причем только по процентам стране за десять лет пришлось выплатить 31 миллиард долларов. Одновременно за тот же период вывоз капитала из страны, включая незаконный, составил 35 миллиардов долларов. Реальная безработица в 91 году поднялась там до 50 процентов от численности трудоспособного населения, реальная заработная плата за 89—91 годы снизилась на 40 процентов. Благодаря политике МВФ распределение населения Венесуэлы по доходам в начале 90-х годов было таково: богатые — 1 процент, верхушка среднего класса — 7, средний класс — 12, бедные — 36, нищие — 44 процента! Сложите две последние цифры: бедных и нищих — четыре пятых населения! Не эта ли судьба уготована и народу России?

Подобные примеры можно было бы привести по многим странам — Перу, Чили, Боливии и др. Россия, конечно, отличается от государств Латинской Америки — и не только пространством и климатом, а, что важнее, принципиально иной психологией населения. Поэтому в нашу страну прежде всего потекло то, что называется «модернити», т. е. на нее была проведена социокультурная атака, после чего и начались реформы 92 года. К настоящему времени в рамках «шоковой терапии» в полном объеме удалось выполнить все, связанное с демонтажом и дискредитацией государства. Это — обязательный атрибут метода быстрой либерализации.

По мнению теоретиков и практиков быстрой трансформации постсоциалистических систем, государство во время реформирования должно быть еще более либеральным, чем любое западное, живущее в стабильных условиях. Дости-

гается это с помощью специальных приемов. Так, в средствах массовой информации разворачивается борьба с номенклатурой — «старой», управлявшей до начала «демократических» преобразований. Она атакуется под флагом ее якобы некомпетентности и привилегий. Наличие же на Западе своей номенклатуры, собственной бюрократии выводится при этом за скобки, и о действительном положении государственных служащих в «свободном мире» ничего не говорится.

Провоцируется серия разного рода скандальных дел о злоупотреблениях. Телевидение, показывая представителей прошлой номенклатуры, использует всякий раз какой-нибудь отталкивающий ракурс. Под такого рода пропагандистским прикрытием новая номенклатура разрушает скомпрометированные в массовом сознании институты государственной власти.

Одновременно предоставляются разные свободы хозяйствующим субъектам, в том числе и в госсекторе, действия которых не могут контролироваться центральной и любой другой властью. Полностью либерализуется внешняя торговля. Как пример у нас — снятие контроля на экспорт нефти в начале 95 года. Это явилось неслучайным условием получения 6-миллиардного долларового кредита МВФ. Свободный курс доллара по отношению к «туземной» валюте растет, поощряя экспортные отрасли, скажем, нефтегазодобычу. Перерабатывающая промышленность парализуется, лишенный дотаций аграрный сектор приходит в упадок в условиях неравной конкуренции с импортом дотируемой зарубежной продовольственной продукции. Одновременно в спешном порядке осуществляется приватизация госсобственности, причем на любой основе.

Таковы общие рецепты МВФ и построенная в соответствии с ними программа их применения в ряде стран.

Особенность России состоит в том, что ее капитализация идет не по «естественному», или, точнее, исторически сложившемуся, как в свое время на Западе, пути. Там первоначальное накопление осуществлялось в основном за счет ограбления колоний и в несколько меньшей степени за счет самих метрополий. У нас же все построено на ускоренной перекачке финансовых средств и имущества из государственного сектора в частный. На Западе в далеком прошлом первоначальное накопление капитала означало подготовку к приходу нового, более прогрессивного общественного строя. У нас в конце XX века это означает возврат к

пройденной исторической ступени развития, то есть является акцией противоестественной и реакционной.

Тсория и мировой опыт показывают, что при либерализации экономики по рецептам МВФ народное хозяйство набирает силы десятилетиями. И это происходит только при наличии политических решений и при государственной поддержке. При этом должен учитываться рост социальной напряженности, сопутствующей длительным экономическим депрессиям.

Всякая критика, строго говоря, обязывает вносить и позитивные идеи. Но дело в том, что предложений, которые в рамках выбранного типа реформ что-то кардинально изменили бы, просто не существует.

Все это губительно сказывается на состоянии экономики и уровне жизни народа, но это не имеет значения для «реформаторов», поскольку их ближайшая цель ограничена только созданием негосударственного сектора. Для них не важно и то, что прямые расходы на организацию чековой приватизации вместе с упущенными доходами федерального бюджета составили 167 миллиардов, а доходы бюджета от чековой приватизации с ее начала не превысили 160 миллиардов рублей.

В этой главе я уже отмечал, что для сбалансирования государственного бюджета 95 года требуется внешних займов около 13 миллиардов долларов. В то же время в печати все время появляются данные о «бегстве» нашей валюты на Запад. Называют разные цифры. В основном оценка — около 2 миллиардов долларов в месяц. По словам же Гайдара, в 94 году из России было вывезено легальными путями до 15 миллиардов долларов. Надо ли стоять на коленях перед банками других стран, перед МВФ и прочими международными финансовыми организациями? Кто сделал из страны жалкую побирушку? Кто толкнул на утечку валюты из нашей страны? Кто этим оказывает «материальную помощь» Западу? Да все те же — автор этого заявления и его команда!

Несколько лет назад пресса разухабисто поносила наш «деревянный» рубль. Истоптали его до неузнаваемости. Все это вполне вписывается в концепцию психологической обработки общества, о которой я говорил выше. За последние годы происходит окончательное «убиение» российской национальной валюты. Напомню, что в конце 80-х годов доллар стоил чуть больше 60 копеек, а в 90 году мос Правительство ввело «коммерческий курс». Он отражал сто-

имость рубля на черном рынке. Его номинал был 1 рубль 80 копеек за один доллар. Через полгода на черном рынке за «зеленого американца» давали три «рыжика» (что-то связанное с моей фамилией).

Развернувшаяся «шоковая терапия» с либерализацией цен немедленно подняла панику до 10 рублей за «бакс». «Новым русским» это было весьма выгодно. Правительство Ельцина—Гайдара занималось только заявлениями о том, что грядет стабилизация курса доллара и рубля, что все само отрегулируется. Гайдар даже утверждал, что 80 рублей за доллар — это потолок! Но «процесс» не послушался его и «пошел»...

Прошло не так уж много времени, и курс стал 1:1000, 1:2000... Такой взлет доллара явился одним из факторов роста внутренних цен. Они повышались с космической скоростью, а люди стали все туже затягивать пояса. В «черный вторник» курс прыгнул в один день сразу на тысячу рублей. Все всполошились. Президент обещал поймать виновников и, говоря его языком, «врезать им». За один день курс доллара спустили вниз почти на тысячу рублей, успокоили общественное мнение. Но вскоре «американец» снова поднялся до 4, а весной 95-го — и до 5 тысяч рублей. После «вторника» Центробанк открыто регулирует курс рубля. Для этой цели даже изобретен «валютный коридор».

Несколько группа дельцов сколачивает на всем этом баснословные состояния. Но в этот процесс уже втянулись и миллионы людей, которые, получив свою зарплату, несут ее, чтобы уберечь от инфляции, в обменные пункты. Специалисты считают, что в настоящее время доллар обслуживает около половины денежного обращения в стране.

Таким образом Россия работает на Запад, укрепляя в первую очередь американскую, а не свою экономику. Президент, Правительство смотрят на такое «убиение» рубля равнодушно. И в последнем послании Президента парламенту поэтому нет каких-либо серьезных мер по оздоровлению рубля. Значит, цены будут расти и дальше, а разделение на бедных и богатых пойдет еще быстрее.

Сознательно создав подобное положение в экономике России, западные политики и дельцы спешат использовать его в своих корыстных интересах, а именно — поживиться ее природными ресурсами. И действительно, наша страна потеряла те рынки, которые худо-бедно имела, и вследствие развала производства превратилась по существу только в

поставщика сырья, что привело к резкому падению мировых цен на него. Так, в начале 94 года нефть продавалась за 88 долларов за тонну — при себестоимости 92 доллара, а цена на цезий, например, упала в 1000 раз.

Запад выиграл, Россия проиграла.

Итак, годы и жизнь расставили все на свои места. Победа радикальных сил обернулась для страны крахом. И самое трагичное здесь то, что это — не ошибки реформаторов, а их совершенно осознанные действия по изменению общественного строя, падению авторитета нашей страны, ее политической и экономической роли в мире. Не позорно ли и не преступно ли приносить в жертву свое Отечество и свой народ?

Отец российской «шюкотерапии» в мае 95 года громогласно заявил, что капиталистическая революция, которая началась в 91 году, состоялась. Ложь это! Народ загоняют в капитализм, а учитывая первые результаты этой «революции», вряд ли он поверит в такое «светлое будущее».